

определение круга их обязанностей, формы ведения отчетной документации, отношения с администрацией и местным населением, возвращение к откупной системе — все эти вопросы еще недостаточно освещены в научной литературе и, несомненно, ждут своего исследователя.

Примечания

¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. СПб., 1830. С. 598–600.

² *Жиброва Т. В.* Организация таможенного управления на юге России на рубеже XVII–XVIII веков (на примере Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 65–66.

³ *Жиброва Т. В.* Таможенное управление в Воронежском уезде на рубеже XVII–XVIII вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. (г. Коломна, 24–26 сент. 2013 г.). Т. 1. Коломна, 2015. С. 72–80.

⁴ *Жиброва Т. В.* Таможенное и питейное управление на местах в XVII — начале XVIII вв. (на примере материалов юга России) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 4 (8). С. 10–16.

⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. С. 614.

⁶ Там же. Т. 4. СПб., 1830. С. 20.

⁷ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 64. Л. 1–212.

⁸ Двойным вином называли напиток, который перегонялся дважды для усиления его крепости.

⁹ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 47. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Ф. И-171. Оп. 3. Д. 5. Л. 1–10.

¹¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 2. СПб., 1830. С. 34–35.

¹² ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–3.

¹³ Там же. Ф. И-287. Оп. 4. Д. 5. Л. 1.

¹⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. С. 614.

Н. В. Козлова

СЛУЖИТЕЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОРТОВОЙ ТАМОЖНИ В 20–30-х гг. XVIII в.

Начиная с петровского времени и вплоть до 60-х гг. XVIII в. ведущим направлением экономической политики правительства являлась внешняя торговля. Согласно господствовавшим в то время идеям меркантилизма развитая внешняя торговля с активным торговым балансом рассматривалась в качестве главного средства пополнения казны, а, следовательно, и государственного благосостояния. Одним из инструментов осуществления этой цели стала Коммерц-коллегия, созданная в 1718 г. Задача поиска средств увеличения государственных сборов и прибылей была прямо сформулирована в регламенте Коммерц-коллегии 1724 г. Особое внимание коллегии было обращено на работу

портовых и пограничных таможен, организацию сбора внешнеторговых пошлин как важного источника денежных поступлений¹.

Как свидетельствует К. К. Лодыженский, вплоть до 1724 г. в Архангельской таможне записи торговых операций русских торговцев и иностранцев велись в одной таможне, но в разных книгах. А в этом году произошло разделение северной таможни на портовую и внутреннюю². Поскольку книги Санкт-Петербургской таможни не сохранились, то можно лишь предполагать, что такой же порядок существовал и в столичной таможне. Таможня, как и первый гостиный двор, в Санкт-Петербурге была учреждена вскоре после основания города в 1703 г. Однако история собственно Санкт-Петербургской портовой таможни, по мнению Б. Б. Дубенцова, начинается, подобно Архангельской, с момента ее обособления от внутренней таможни в 1724 г.³

Необходимость такого обособления была связана с принятием Таможенного тарифа и Морского торгового регламента 1724 г., значительно усложнивших систему таможенного обложения, процедуру регистрации привозимых иностранных товаров и дифференцировавших штрафы за нарушение таможенной процедуры. Все это, в свою очередь, усложнило деятельность таможенных служащих, вызвав необходимость их специализации. Внешним проявлением создания Санкт-Петербургской портовой таможни, по наблюдению Б. Б. Дубенцова, стала замена выборных таможенных служащих государственными чиновниками, находившимися на жаловании⁴.

В статье на основе законодательных актов и делопроизводственных документов из фонда Коммерц-коллегии РГАДА выясняются мотивы, побудившие правительство изменить принцип комплектования портовых таможен, прослеживаются конкретные действия, осуществлявшиеся в этом направлении, и рассматривается социальный и персональный состав штатных служащих Санкт-Петербургской таможни в 20–30-х гг. XVIII в.⁵

Первоначально все служащие таможен независимо от характера собираемых пошлин, внешних или внутренних, комплектовались на основе ежегодного набора выборных посадских людей. Таможенная служба для них, как и любые другие казенные повинности, осуществлялась без какого бы то ни было вознаграждения и могла сопровождаться немалыми материальными издержками. Это вызывало подозрения в утайке ими части пошлин. Кроме того, кратковременность службы и незаинтересованность в ней посадских людей препятствовали созданию обученных кадров в такой области государственного хозяйства, которой правительство отводило все большую роль в денежных накоплениях. Однако понимание возникшего диссонанса пришло не сразу и тормозилось чисто финансовым расчетом.

В июне 1721 г. советник Камер-коллегии Г. Фик представил замечания на проект нового регламента Коммерц-коллегии. В них он обратил внимание Сената на то, что «коммерция и морские таможенные дела никогда в приращении не будут, ежели помалу непременные таможенные служащие не определены и жалованьем не снабжены бывают»⁶. Фик, ориентируясь на практику других стран, предложил изменить принцип комплектования внешних таможен.

Однако ни Коммерц-коллегия, ни Сенат не откликнулись на его предложение. Новая Инструкция Коммерц-коллегии 1721 г. по-прежнему предусматривала функционирование всех таможен за счет натуральных повинностей городских тяглецов (ст. 12) ⁷. Очередной Регламент Коммерц-коллегии, утвержденный Петром I в январе 1724 г., также сохранил прежний принцип ⁸.

Однако уже 15 февраля того же года в ответ на доношение Коммерц-коллегии указ Сената провозгласил переход к найму оплачиваемых служителей портовых таможен. Принимая во внимание довод коллегии, что «содержать таможенных служителей без жалованья опасно для таможенных сборов» и что «в оном служении для интересу е. и. в. надлежит быть беспеременным, которые б торгов и промыслов собственных не имели», Сенат распорядился публиковать листы о найме служителей в портовые таможи с указанием положенного им жалованья ⁹. Такие листы в столице были выставлены на рынках, гостином дворе, у таможи, кирхи, у почтового двора, на гауптвахте в Адмиралтейской крепости, а также посланы в Москву, Архангельск, Ригу, Выборг, Нарву и Ревель. Не рассчитывая на быстрый отклик «вольных» служителей, Сенат в то же время распорядился, чтобы «на первой случай» сбор портовых пошлин в Санкт-Петербургской, Кронштадтской, Архангелогородской, Новодвинской и Кольской таможнях по-прежнему осуществлялся купцами по выборам магистратов Санкт-Петербурга и городов Архангелогородской губернии. Коммерц-коллегия торопила Главного магистрат, требуя прислать для таможенной службы купцов, «грамоте умеющих», не позднее 15 марта, чтобы до начала навигации успеть «им, хотя мало, ...должности их истолковать» ¹⁰. Однако даже к концу марта требуемого числа портовых служителей по-прежнему не было. Выборные купцы присылались партиями по 10–14 чел. и до июня 1724 г. всего было прислано более 60 купцов «санкт-петербургских жителей». Все они в соборе Петра и Павла были приведены к присяге. Затем десятерых определили на должности инспектора, цолнера, контролера, амбарного инспектора, стемпельмейстера и вагмейстера, остальных же в досмотрщики ¹¹.

Сосредоточившись на традиционном способе комплектования таможен за счет попеременно присылаемых выборных купцов и посадских людей, Коммерц-коллегия первоначально слабо среагировала на челобитные городских тяглецов, изъявлявших желание стать оплачиваемыми служителями в Санкт-Петербургской портовой таможне. Уже в марте, то есть сразу за публикацией соответствующих листов, 40 купцов разных городов заявили о том в своих челобитных. Однако на их доношения «никакого определения не последовало», так что в июне 1724 г., то есть уже в разгар навигации на Балтике, многие из них подали повторные, на этот раз коллективные челобитные за подписями от 15 до 18 чел. ¹²

Портовая таможня испытывала нехватку в служителях разного уровня. Так, 23 апреля 1724 г. обер-директор Санкт-Петербургской таможни Иван Коптяжин в доношении в Коммерц-коллегию доказывал, что определенному по штату одному вагмейстеру «исполнить свою должность невозможно». Согласно инструкции ему следовало взвешивать товары по указам от амбарного

инспектора, вести записи в книгах и, обозначив на оборотной стороне указа вес и меру товара, отсылать его амбарному инспектору, подписывать вес на товарах и собирать весовые пошлины. Предполагалось, что товары будут взвешиваться в одном месте, что должно было облегчить деятельность единственного вагмейстера, состоявшего тогда при порте. Однако на практике российские «тяжелые» товары размещались в разных местах. Например, юфть складировали за Большой Невой, другие товары содержали в амбарах на Малой Неве, на гостином дворе и в других местах. Не было и весов, их еще только должны были доставить на корабле из Голландии, а до того предлагалось взвешивать товары на важне, находившейся внутри гостиного двора, а также в амбарах за Малой Невой, используя весы Акцизной каморы или взяв их «у кого из купецких людей»¹³. В итоге вопреки инструкции Коммерц-коллегия позволяла по требованию купцов взвешивать товары в разных местах, посылая для этого вагмейстера, или его помощника (унтер-вагмейстера), «или кого заблагоразсудитца» из выборных купцов, присылаемых от Главного магистрата.

Портовыми службам требовались также солдаты «для караулу и посылок» и гребцы. Об их присылке Коммерц-коллегия не раз безрезультатно писала в Военную коллегия и в итоге вынуждена была в конце марта 1724 г. обратиться за поддержкой в Канцелярию Сената. Две 10-весельные шлюпки «с припасами» и щерботы (они использовались для сбора пошлин при Санкт-Петербургском и Кронштадтском портах) были получены из Адмиралтейства и куплены на партикулярных верфях¹⁴. В целом работа портовой таможни в обычной российской манере устраивалась на ходу.

Наиболее многочисленной группой служителей портовых таможен являлись досмотрщики. По мере роста числа приходящих в Санкт-Петербургский порт кораблей их требовалось все больше¹⁵. В итоге, начиная с июня 1724 г., купцы и разночинцы, подававшие в Коммерц-коллегию коллективные и индивидуальные доношения, в основном определялись ею в досмотрщики. После приведения их к присяге они отсылались под ведение обер-директора таможни. Причем до получения резолюции Сената им полагалось нести службу без жалованья и в случае отказа правительства от своих прежних обещаний наемные служители освобождались от должности без денежной компенсации «за прошедшие месяцы». В фонде Коммерц-коллегии РГАДА сохранились комплексы документов по челобитным разных людей об определении их в служители Санкт-Петербургской таможни¹⁶. Они включают доношение (челобитную); определение Коммерц-коллегии; расписку автора доношения под резолюцией Коммерц-коллегии, свидетельствующую об его согласии до определения жалованья служить «на своем коште»; их поручительство друг по другу, «что они не беглые»; запись о приведении к присяге протопопом Петропавловского собора; текст присяги с подписью купца и, наконец, указ из Коммерц-коллегии к обер-директору портовой таможни об определении поименованных лиц к службе. Подобный комплекс документов имеется по каждому доношению купца или другого лица о принятии его в таможенные служители. Тексты всех доношений очень похожи. Во многих из них содержится упоминание о челобитных, поданных еще в марте-апреле того же года.

В течение года (до марта 1725 г.) с аналогичной просьбой в Коммерц-коллегию обратились более 200 человек, главным образом посадские люди — 180 человек. Другие категории населения были немногочисленны: 2 дворцовых крестьянина подмосковного с. Покровского, 7 разночинцев, 19 иноземцев. Среди посадских преобладали жители Москвы, Петербурга, Новгорода и Вологды (соответственно, 66, 21, 16 и 12 человек). Такая география объяснялась знакомством купцов этих мест с порядками в портовых таможнях, как на опыте собственных торгов, так и в результате службы в них в качестве выборных служителей. Так, новгородские купцы, обосновывая свою просьбу, подчеркивали, что они «люди посацкие и ко оным делам заобычаны и грамоте умеющие»¹⁷.

Перевод служителей портовых таможен на жалованье потребовал поиска необходимых для этого средств. Еще в июле 1723 г. в ответ на запрос Сената, возможно ли обеспечить служителей коллегии доходами «от дел» без ущерба для интересов казны, Коммерц-коллегия твердо заявила, что никаких способов, чтобы «удовольствоваться без жалованья» она «не изобретает». Единственной статьей неокладных доходов коллегии являлись сборы с выдаваемых иноземным и российским купцам паспортов за рубеж (по червонцу) и внутрь страны (по рублю), «которых бывает самое малое число». При этом по расчетам Коммерц-коллегии на жалованье служителей Санкт-Петербургской таможни, от обер-директора до канцеляристов, подъячих, солдат и матросов, требовалось 9182 руб. Получить необходимую сумму, по мнению коллегии, можно было за счет сборов с веса и с клеймения товаров и за счет 3 %-й акциденции с пошлинного рубля¹⁸. Сенат согласился с доводами Коммерц-коллегии и указом от 23 ноября 1724 г. распорядился за текущий год выдать жалованье портовым служителям из сборов «важных» и «клеимых» денег. В это время в Санкт-Петербургской портовой таможне в числе вольных служителей состоял таможенный контролер, амбарный инспектор, инспектор над досмотрщиками, толмач и 57 досмотрщиков. Им, а также нанятому в Архангелогородскую таможню контролеру, за «заслуженные месяцы» полагалось выплатить 1445 руб. 22 ½ коп.¹⁹ Порядок взыскания особого таможенного сбора (акциденции), идущего на выдачу жалованья канцелярским таможенным и портовым служителям, был определен указом от 22 декабря 1724 г. — по «два процента со ста платежного рубля»²⁰. Дальнейшие выплаты таможенным служителям производились согласно штату, утвержденному указом от 8 июля 1725 г.

Не все принятые в Санкт-Петербургскую портовую таможню по вольному найму служители сумели адаптироваться к новому положению. Иные, как свидетельствовала в 1726 г. Коммерц-коллегия, «за всегдашне леностию и за шумством в должностях своих не исправны». Ссылаясь на то, что от определенных по челобитьям «вольных людей» в таможне «происходят многия потребности», коллегия своим доношением в Сенат настаивала на присылке «к тому служению для лучшего надзирания» до 50 человек «из шляхетства», «грамоте умеющих», с выплатой им жалованья по 40 руб. В ответ Сенат указом от 14 марта 1726 г. распорядился выбрать 50 человек из числа «назначенных к отставке гвардии капралов и рядовых, добрых и грамоте умеющих людей, которые б в службе были безпорочно и не пьяницы»²¹. Судя по всему, это

намерение Коммерц-коллегии и Сената осуществить не удалось. Вероятно, не нашлось требуемого числа грамотных отставных нижних чинов, желающих и пригодных к несению непростой службы в таможене.

В 1730-х гг. во всех портовых таможнях только главные должности обер-инспекторов и контролеров, имевших «вышнюю дирекцию и управление всех дел», замещались дворянами, как то предписывал еще петровский указ 1722 г.²² Все остальные многочисленные служители портовых таможен по-прежнему комплектовались за счет купечества, выходцев из среды канцеляристов, дворцовых служителей, отставных солдат, иноземцев и даже крестьян. Среди этих пестрых по своему сословному происхождению лиц заметно преобладали представители купечества. Они составляли 46 % всех наемных служащих Санкт-Петербургской таможни (54 из 117). Из них в основном комплектовалась не только самая многочисленная категория служителей таможни — досмотрщиков или безухеров, но и управители, на которых лежали широкие и ответственные обязанности, в том числе обер- и ундер-цолнеры, инспекторы, вагмейстеры и стемпельмейстеры²³. К примеру, в рассматриваемое время обер-цолнерами Санкт-Петербургской таможни были петербургские купцы Афанасий Ершов²⁴ и Петр Томилин, в 1720-х гг. в течение пяти лет находившийся «для науки языков» в Голландии²⁵; инспектором и контролером петербургского пакгауза — «гостинный сын» Алексей Семенников, до назначения в 1725 г. в таможену семь лет обучавшийся коммерции в Италии и Испании, и купец Тимофей Лофтус²⁶. Среди управителей Санкт-Петербургской таможни имелись иноземцы. Они занимали должности, требовавшие знаний в области денежного счета, весовых мер, особенностей качества тех или иных товаров. Так, экером, отвечавшим за обложение пошлинами иностранных вин в соответствии с их сортом, в 1735 г. был определен «цесарец, пивоваров сын» Антон Демелдер, а стемпельмейстером годом раньше стал Фридрих Бланк, родившийся на Олонецких заводах, где его отец был молотового дела мастер. Гавенмейстером в 1736 г. состоял швейцарец Вилим Жамбель²⁷. В его обязанности входило определение мест причала приходящим в порт кораблям и наблюдение за порядком в порту. Но общее число иноземцев, в том числе и на подобных должностях, было невелико (9,4 %).

В конце 1730-х гг. Сенат вновь попытался вернуться к идее комплектования состава досмотрщиков Санкт-Петербургской портовой таможни за счет отставных унтер-офицеров и солдат. Указом от 31 июля 1739 г. в ответ на мнение Коммерц-коллегии было велено досмотрщиков «из купечества, и церковников, и из боярских людей, и крестьян, и из подьяческих детей, и разночинцев... от той таможни отрешить, ...а на их места определить из отставных унтер-офицеров и солдат грамотных и писать умеющих из гвардии и из армейских полков, которые б могли тое службу понести». Прежде находившихся при таможне служителей следовало разослать на прежние места (купцов в посады, крестьян и дворовых к помещикам), остальных, годных к службе, выслать в Военную коллегую, а не годных записать в подушный оклад, «за кем они быть пожелают», или определить в казенные работы²⁸. Однако через четыре года та же Коммерц-коллегия вынуждена была признать, что многие от-

ставные солдаты, состоявшие в досмотрщиках, «безграмотные, а некоторые и престарелые, к тому ж и в пьянстве находящиеся, и за тем исправно должностей своих несть не могут, отчего происходит остановка». Итогом этого неутешительного наблюдения стал очередной указ Сената (18 июня 1743 г.), по которому Коммерц-коллегии, отрешив от таможи неспособных и ненадежных служителей, вновь следовало определять в досмотрщики числом 112 чел. «вольных людей и неподозрительных за добрыми поруками..., и писать умеющих, как и напредь сего до присылки солдат содержаны ж были»²⁹.

Вопрос, насколько очередная рокировка была удачной и устойчивой, а также за счет каких групп населения в дальнейшем происходило пополнение числа браковщиков как наиболее многочисленной категории служителей Санкт-Петербургской портовой таможи, требует специального изучения. Очевидно, что осуществленный в 1724–1725 гг. переход в портовых таможнях к оплачиваемым служителям сопровождался длительным, растянувшимся на несколько десятилетий, поиском наиболее подходящего для этого контингента. Специфика портовой таможенной службы требовала обученных кадров, и казалось, что переход к вольному найму на штатной основе должен способствовать решению этой важной задачи. Действительно, состав управителей Санкт-Петербургской портовой таможи от цолнеров до экеров уже в 30-х гг. XVIII в. был достаточно устойчив и весьма профессионален, однако таможенные служители, находившиеся в их подчинении, прежде всего досмотрщики, представляли подвижную и весьма пеструю группу лиц, нередко случайных. В связи с ростом внешнеторговых оборотов Санкт-Петербургского порта потребность в низовых служителях таможи постоянно возрастала, а требования к ним повышались. Явная неспособность части служителей к выполнению должностных обязанностей, недисциплинированность, а зачастую и неграмотность побуждали Коммерц-коллегию, а вслед за ней и Сенат, неоднократно менять вектор поиска необходимых для службы в портовой таможне людей.

Примечания

¹ Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. М., 1999. С. 45–92.

² Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 66.

³ Дубенцов Б. Б. Создание Санкт-Петербургской портовой таможи (первая треть XVIII в.) // Новый часовой. 1996. № 4. С. 7–12.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Отдельные вопросы темы уже рассматривались автором настоящей статьи. Однако в монографическом исследовании в соответствии с замыслом портовые таможни и их служители учитывались лишь в контексте взаимоотношений российской власти и формирующегося купеческого сословия, а потому их характеристика не могла быть представлена в полном объеме. В работах В. Г. Балковой, посвященных истории таможенной службы России XVI–XVIII вв., состав служащих Санкт-Петербургской портовой таможи в начальный период ее существования и их должностные обязанности рассматриваются на основе штата 1725 г., то есть нормативного документа.

См.: Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. С. 67–76; Балковская В. Г. 1) Таможенная служба в системе управления российского государства в XVI–XVIII вв. Владивосток, 2011. С. 156–160, 170–180; 2) Управители и служители российских таможен в первой четверти XVIII века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 66–70.

⁶ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. 3, ч. 2 // ОР РНБ. Ф. 1003. № 10. С. 435.

⁷ Там же. С. 443–454.

⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. СПб., 1830. № 4453. Ст. 17.

⁹ Там же. № 4477. См. также: РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 163.

¹⁰ Для Санкт-Петербургской таможни требовалось 10 служителей и 40 досмотрщиков, а для всех пяти таможен — 18 служителей и 78 досмотрщиков. См.: РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 11–11 об.

¹¹ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 4. Л. 22–23, 30, 72, 79–80, 91.

¹² Там же. Оп. 5. Д. 2811. Л. 1.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 57–58.

¹⁴ В 1736 г. при Санкт-Петербургском порте имелись 5 шлюпок (4-х, 6-ти, 8-ми и 10-весельных). См.: РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2838. Л. 29, 30, 70.

¹⁵ В 1723 г. для Санкт-Петербургской таможни требовалось 40 досмотрщиков, в 1726 г. в ней имелось 95 досмотрщиков; в 1743 г. Сенат в ответ на представление Коммерц-коллегии число штатных досмотрщиков увеличил до 112 чел, а в 1750 г. до 150 чел. См.: РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 4. Л. 4 об.; ПСЗ. Собр. 1. Т. 13. СПб., 1830. № 9702.

¹⁶ РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2811. Л. 1–273; Д. 2816. Л. 1–37 об.; Д. 2818.

¹⁷ Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. С. 69.

¹⁸ В 1723 г. в Коммерц-коллегии с выдачи паспортов было собрано 201 червонец и 21 рубль. РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–6.

¹⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. № 4604.

²⁰ Балковская В. Г. Таможенная служба в системе управления российского государства XVI–XVIII вв. С. 172.

²¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 7. № 4856.

²² Там же. Т. 6. СПб., 1830. № 3886.

²³ Досмотрщик «имеет смотрение, чтоб без платежа пошлин товары с кораблей не свозили, и на тех кораблях живут безсходно, пока отправятся те корабли в путь свой»; *овер-цолнер* принимал на товары декларации и «имеет особое смотрение кораблей и надзор над другими служителями»; *вагмейстер* наблюдал за взвешиванием товаров и сбором пошлин; *стемпельмейстер* ведал клеймением товаров и сбором соответствующих пошлин (РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 4. Л. 14–14 об.).

²⁴ Еще раньше, в 1722 г., Сенат по представлению Коммерц-коллегии утвердил А. Ершова в должности комиссара, «понеже он ... иноземческому делу и в переводе немецких писем искусен». До этого Ершов служил в Коммерц-коллегии толмачом. См.: РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8; Оп. 3. Д. 171. Л. 5; Оп. 5. Д. 2838. Л. 18.

²⁵ Козлова Н. В. Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // ИЗ. Т. 117. М., 1989. С. 292–293.

²⁶ РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2838. Л. 18 об.

²⁷ Там же. Л. 18 об., 21.

²⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 10. СПб., 1830. № 7863.

²⁹ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции... Т. 4, кн. 3. М., 1786. С. 103–104.